DOI: 10.31860/978-5-918680-445-108-115

Ю. М. Чихалова

РАННИЕ СТИХОТВОРНЫЕ ОПЫТЫ ГЕОРГИЯ ОТРЕПЬЕВА (по материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома)

Аннотация: В сообщении описываются материалы трех фондов Пушкинского Дома, связанных с именем дальневосточного поэта Георгия Отрепьева. Материалы эти не были введены в научный оборот, и одной из причин этого могла быть сложность в идентификации автора, который подписывает их, судя по всему, своим настоящим именем — Егор Отрепнов. Рассматривается динамика и возможные причины формирования псевдонима, под которым он впоследствии будет известен. Материалы Пушкинского Дома относятся к раннему периоду творчества поэта, задолго до того как он попадает в поле зрения критиков, и проливают свет на некоторые факты его биографии. В тексте описывается первая из известных публикаций автора в 1905 г.

Ключевые слова: Георгий Отрепьев, Егор Отрепнов, Первая мировая война, Новгородская тюрьма, первая публикация.

Abstract: The article describes the materials of three archives in the Pushkin House associated with the name of the Far Eastern poet Georgy Otrepiev. These materials were not introduced into scientific circulation, and one of the reasons for this could be the difficulty in identifying the author, who signs them, apparently, with his real name — Egor Otrepnov. The dynamics and possible reasons for the formation of the pseudonym, under which he will later be known, are considered. The materials of the Pushkin House relate to the early period of the poet's work, long before he came to the attention of critics, and shed light on some details of his biography. The text describes the autor's first known publication in 1905.

Keywords: Georgy Otrepiev, Egor Otrepnov, World War I, the Novgorod prison, the first publication.

Девять единиц в архиве В. И. Ясевич-Бородаевской, революционной активистки и одного из крупнейших исследователей русского сектантства, содержат творческие рукописи Егора Отрепнова[1]. Эти рукописи занимают почти пятую часть бумаг Ясевич, доступных сейчас исследователям (часть архива, содержащаяся в шифрованном фонде, составляет 61 единицу). Отчество автора не указано, указан второй инициал — Я, один из рассказов подписан псевдонимом «Егор Пеше-

[1] РО ИРЛИ, № 10509—10517, часть фонда находится в обработке.

© Чихалова Ю. М., 2024

ход». Четыре единицы представляют собой тетради: две с подобием рукописного сборника стихотворений и коротких рассказов, каллиграфически подписанных, две другие — наброски драматических произведений, прошитые и опечатанные (в одном случае тюремная печать и прошивка утрачены, но видны их следы), с подписью начальника Новгородской тюрьмы, датированной 3 и 7 нояб. 1908 г. Эти документы указаны в справочнике по личным фондам Пушкинского Дома, но исследователи ни разу к ним не обращались. И это кажется понятным: при попытке выяснить что-то об Егоре Отрепнове мы не находим информации о нем ни в каких источниках, и логично предположить, что значимого следа он по себе не оставил. Сведения о том, как эти документы попали в архив Ясевич, находятся в необработанной части архива — отложившиеся там письма Отрепнова к Ясевич довольно подробно рассказывают об обстоятельствах его жизни. В этих письмах он излагает ход своей литературной работы и сообщает ей о том, как и куда в этот момент отправляет свои рукописи: надеясь на помощь Ясевич с публикацией его сочинений, он регулярно посылает ей с оказией свои труды, прилагая их описание в письмах. В переписке датированы годом два письма: одно по́зднее, от 10 нояб. 1917 г., из Екатеринослава, второе — от 24 янв. 1910 г., послано из деревни Глухой-Бережок, с пятью недатированными письмами его объединяют общее место написания и общий сюжет, охватывающий примерно год или чуть более (автор связывает его с «учительским сезоном») жизни Отрепнова в этой деревне, работу учителем и пастухом. Все цитаты из писем даются в современной орфографии и авторской пунктуации. При каких обстоятельствах эта переписка завязалась, Отрепнов не указывает.

Второй фонд, в котором мы находим подобные материалы — фонд «Русского Богатства»: тоже четыре тетради, три из них без обложек с выпадающими или вырезанными листами, на одной из них следы тюремной прошивки и утраченной печати и удостоверяющая помета Новгородской тюрьмы от 3 июня 1908 г. Единственная тетрадь в обложке (тоже с прошивкой, подписью и печатью, но без даты) подписана скорописью другим почерком, запись была прочитана под вопросом как Отреплов, и в такой форме автор и обнаруживается в описи и картотеке архива[2]. Несмотря на то что одна из тетрадей содержит редакторские пометы, рукописи, видимо, в ход пущены не были — стихотворений из тетрадей Отрепнова на страницах «Русского Богатства» или «Русских Записок» мы не находим.

О том, что фамилию стоит читать через н, говорит нам не только тщательно выписанный титульный лист тетради в архиве Ясевич, но и подписи под письмами с фронта Первой мировой войны, которые

[2] РО ИРЛИ, ф. 299, оп. 2, ед. хр. 242, атрибутирована Отреплову (?), заключенному.

мы находим в архиве Р. В. Иванова-Разумника вместе с машинописными копиями их[3]. Письма эти представляют собой дневник, в том числе и стихотворный, Егора Отрепнова, отправившегося добровольцем на войну. В этих письмах, написанных тем же почерком, каким заполнены тетради «Русского Богатства» и архива Ясевич, Отрепнов неоднократно дает свой меняющийся адрес, на который просит отправлять и корреспонденцию, и запрашиваемую помощь, и подписывает свои стихи. В этом адресе он указывает свое отчество — Яковлевич, а фамилия приобретает форму «Отрепьев». В одном и том же письме (см. письма 14 авг. и 2 окт. 1914 г. и 18 апр. 1915 г.) он подписывается как автор в формате «Е. Отрепнов» и как адресат — «Доброволец Егор Яковлевич Отрепьев». С чем связано подобное изменение, не указано: можно предположить, что в полевых условиях фамилия, встречающаяся только в новгородских селах, приобретала более известную форму, но как поэт Егор Яковлевич довольно долго держится за привычный ему вариант фамилии. В другой единице этого же фонда, содержащей автографы его стихов (в основном военного времени), на отдельных страницах это четкое деление начинает размываться: пять стихотворений подписаны «Е. Отрепьев», еще три — «Г. Отрепнов». На списке лучших стихотворений автора, сделанном Ивановым-Разумником, есть помета синим карандашом: «Гр. Отрепнов». В этом списке есть и военные стихи, и стихотворение «Охи-вздохи», которое в другой редакции можно было увидеть в рукописном сборнике из архива Ясевич. Кажется, автор не просто усваивает свое новое имя, а обыгрывает его, заменяя свое имя Егор формой «Георгий», созвучной имени Григорий, с которым эта фамилия непосредственно ассоциируется. Именно под этим именем мы и находим его много лет спустя на Дальнем Востоке — в статусе одного из самых популярных партизанских поэтов времен Гражданской войны.

Если о Егоре Отрепнове информации практически нет[4], то про Григория Отрепьева мы знаем достаточно много. О его выдающейся биографии начали писать еще в шестидесятые годы и пишут по сей день, в обзорах дальневосточной литературы ему уделяют заметное место, его стихи перепечатывают — несмотря на то что каждый исследователь отмечает две важные черты его творчества: колоссальную продуктивность и недостаток оригинальности. Эти качества, с другой стороны, могли стать причиной и большой популярности автора,

[3] РО ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 224, 225.

[4] Фамилия «Отрепнов» появляется в статье С. И. Красовской, которая запрашивала в новгородских архивах предполагаемую фамилию Георгия Отрепьева, указывая, что «Георгий родился на свет Отрепновым, а Отрепьевым стал по своей поэтической воле» — похоже, есть основания полагать, что в начале жизни и поэтической карьеры он называл себя Егором и, возможно, имел документы на это имя, а поэтическая воля могла сочетаться с необходимостью иметь дело с полевой почтой и военными писарями.

и того, что его тексты в течение долгого времени собирались как фольклорные песни[5]. Известная нам биография Отрепьева является поэтическим документом эпохи едва ли не в большей мере, чем его сочинения: участник революционного движения, ранен в шествии 9 янв. 1905 г. к Зимнему дворцу, после Первой мировой войны вступает в Красную армию, в 1918 г. попадает в плен под Самарой и отправляется в «эшелоне смерти» на Дальний Восток (в антологии дальневосточной поэзии опубликовано стихотворение Отрепьева, описывающее этот опыт). Там он примыкает к партизанскому отряду и разворачивает активную творческую деятельность. В 1917 г. выходит первый сборник его стихов[6], через три года появляется второй[7], значительно более объемный, он много пишет, публикует, сотрудничает в качестве редактора в ряде изданий и участвует в деятельности литературных объединений.

Первая зафиксированная исследователями публикация стихотворений Отрепнова также относится к 1917 году[8], но в своем письме к Ясевич он сообщает: «Из всего того, что находится у Вас, я нигде никогда не печатал, за исключением двух стихотворений: “Марьюшка” и “Исповедная песня арестанта”, которые в 1905 году были напечатаны в “Амурском крае” издательницей Л. В. Кирхнер (в г. Благовещенске)». Осторожная формулировка «из всего того, что находится у Вас» позволяет предположить, что какие-то еще тексты Отрепнов или публиковал, или старался опубликовать. Он пишет о своих сочинениях, переправляемых в Новгород, и планирует уточнить, лежат ли они там без дела, что, видимо, говорит об активных попытках донести свои произведения до читателя и другими способами, без посредничества Ясевич. В письме ей он путается в изданиях Благовещенска — газета «Амурский край» действительно выходила там в это время, но текст «Марьюшки» без заглавия в разделе «Фельетон» появился 12 авг. 1905 г. в № 88 «Амурской газеты» (с. 9, стб. 1685—1686), которую издавали А. В. и Л. В. Кирхнер. Текст «Исповедной песни арестанта» обнаружить не удалось: он мог быть опубликован в утраченных номерах, могла быть договоренность о публикации, которую остановило закрытие газеты в 1906 г., но арестантская лирика, появляющаяся на страницах «Амурской газеты» и приложений к ней в 1905 г., подписана постоянными авторами издания и не находит параллелей в находя-

[5] См. подробнее статьи С. Красноштанова «Партизанские песни Г. Я. Отрепьева» и «Происхождение песни “В воскресенье мать-старушка” и ее варианты».

[6] Под блиндажом: стихотворения окопного солдата-феодосийца. Екатеринослав: Изд-во феодосийцев, 1917. 16 с.

[7] Лучи красных дум. Хабаровск: Политотд. 1-й Амур. стрелковой дивизии НРА, 1920. 232 с.

[8] Стихотворение «Мужицкий разговор» (Правда. 1917. 23 июня. № 78. С. 3). В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова эта публикация приписана Алексею Ивановичу Маширову (М., 1957. Т. II. С. 305).

щихся в Пушкинском Доме тетрадях Отрепнова (под таким названием мы находим только стихотворение в тетради Ясевич, написанное кольцовским размером). «Марьюшка» воспроизводится во всех собраниях стихотворений Отрепнова в Пушкинском Доме — в первой из его тетрадей в собрании Ясевич[9], в третьей, датированной в Новгородской тюрьме 30 июня 1908 г., тетради собрания «Русского Богатства»[10], в машинописном сборнике в архиве Иванова-Разумника[11]. Все три варианта текста отличаются в основном пунктуационным оформлением («Во время работы я не столько думаю над темою и художественным изложением (это мне дается легко), сколько над правильностью, в грамматическом отношении, произведения. Точку поставить, или запятую? Э, была не была, поставлю и то и другое. А потом начнешь читать и видишь, что лучше б ничего не ставить», — пишет Отрепнов Ясевич о причинах этого). В четырех местах небольшие правки стилистического свойства (пятая строка первой строфы в «Русском Богатстве» — «Над избою прошлой ночью...», у Ясевич — «Над избой прошедшей ночью...», в сборнике Иванова-Разумника «Над избой ночью...» с соответствующим ритмическим перебоем, во второй строфе в шестой строке в «Русском Богатстве» — «Бедность вынести», в остальных — «Бедность вытерпеть», в сборнике Иванова-Разумника в четвертой строфе в пятой строке «И польются рекой слезы в ссоре, да в вражде», в остальных — «И польются рекой слезы в ссоре и вражде», в сборнике Иванова-Разумника в пятой строфе во второй строке «И привыкнет понемногу...», в остальных — «И привыкнет помаленьку...», седьмая строка пятой строфы у Ясевич — «Как осудят, как загонят жить на Сахалин», в остальных — «Как засудят, как загонят жить на Сахалин», в сборнике Иванова-Разумника отсутствует деление на строфы после второй, очевидно, из соображений экономии места). Текст стихотворения, видимо, был для автора законченным и устоявшимся — при этом в публикации «Амурской газеты» мы видим значительную правку, местами не доведенную до конца:

	«Амурская газета»	**Сборники РО ИРЛИ**
Строфа 1, строка 4	Муж храпит; кружится муха бойкая над ним...	И кружась летает муха бойкая над ним
Строфа 2, строка 5	Как-то будет жить на свете, в жизненном пути,	Как-то будет дорогому в жизненном пути
Строфа 3, строка 7	Будут чувства искаженны, будет ум...	И пойдет кривой дорогой забулдыга сын
Строфа 4, строка 1	Вздумает потом жениться, будто по любви,	Вздумат может быть жениться будто по любви

[9] РО ИРЛИ, № 10509, л. 32.
[10] Там же, ф. 266, оп. 2, ед. хр. 242, л. 48.
[11] Там же, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 128, л. 27.

Строфа 4, строка 5	От питейного дорога торная к вражде	И польются рекой слезы в ссоре и вражде
Строфа 4, строка 7	И поест она скотину, двор, амбар, овин. —	И поест она скотину, съест амбар, овин
Строфа 5, строка 1	С бедноты, глядишь, да с пьянства будет жизнь не всласть	С баловства, глядишь, да с пьянства, будет жизнь не всласть
Строфа 6, строка 3	Коль тебе прямой дороги в жизни не дадут,	Коль тебе прямой дороги к свету не дадут
Строфа 6, строка 5	Грустно! Марьюшка вздыхает, лежа в уголке...	Грустно Марьюшка мечтает, целу ночь не спит / То поплачет, то поохат, грудь ее болит
Строфа 6, строка 6 (7)	На полу, раскинув ноги, муж спит недвижим, —	А внизу раскинув ноги муж спит недвижим

В пятой строфе во второй и третьей строке текст делали обращением к сыну («И привыкнешь помаленьку, мой сыночек, красть / Станешь пугалом детишек, страшным для людей»), но в четвертой и пятой строчке сохраняются формы третьего лица («И загонит горе в душу матери своей. / Будет пойманный на краже долго, долго бит...»). Правка устраняет ритмический сбой в четвертой строфе и просторечные формы («целу», «вздумат», «поохат»), но в последнем случае это приводит к значительному сбою в рифме и потере целой строки (не исключены и цензурные соображения: если больная грудь в пятой строфе может пониматься метафорически, то в последней она уже физиологическая данность). Еще один заметный сбой, вызванный правкой, — в недописанной строке третьей строфы. Разумеется, честолюбивого автора такая публикация удовлетворить не могла, и он продолжал рассылать текст стихотворения в собственной редакции своим адресатам для напечатания.

Материалы Пушкинского Дома могут добавить к имеющимся у исследователей сведениям несколько дополнительных, но существенных деталей[12]. Они относятся к промежутку между ранением в 1905 г. и появлением на фронте, описывают самое начало военного опыта Отрепнова 1914 г., когда он идет на фронт добровольцем в том числе и для того, чтоб писать тексты «против милитаризма» — но буквально с первых писем они дополняются стихами, «составленными для солдат», и именно им суждено было создать ему имя. В известных нам биографических очерках этот период оказывается практически

[12] В частности, позволяют уточнить некоторые сведения, которые приводит в своем эссе Владимир Голдин: с 1907 по 1910 г. он не мог находиться в Петропавловской тюрьме; в 1908 г. он сидит в тюрьме Новгородской, а в 1910 г. пишет из Новгородской области. До того как его в 1916 г. призывают в армию, он почти два года находится при ней добровольцем, а «первой заявкой на звание литератора» может считаться не фронтовая корреспонденция, а публикация в «Амурской газете» более чем за десять лет до нее.

пропущенным — указывают на то, что Отрепьев, видимо, преследовался как революционер и был вынужден скрываться, но никаких деталей мы не находим. Можно говорить, что как минимум несколько месяцев этого срока тогда еще Егор Отрепнов проводит в Новгородской тюрьме (в письме Ясевич он пишет, что после 1907 г. «успел отсидеть год и три м-цы в тюрьме», какую часть этого срока он провел именно в Новгородской тюрьме — непонятно) и использует это время для активной литературной работы. Он пишет, что читал в тюрьме Маркса, но счел его скучным, знакомил сокамерников со своими сочинениями, «много написал, но к сожалению все попало в руки начальства, найдено тенденциозным и конфисковано». Он указывает следующие произведения, которые остались у тюремного начальства: стихотворение «Безбожник», «пьеса “Почтальон женился”, повесть “Мост”, повесть “Брычка и Голован”». Он пробует разные формы: драматические, очерковые, крупные и мелкие стихотворные, осмысляет свои опыты в сборниках разного типа и разного наполнения (в двух тетрадях архива Ясевич и в тетрадях «Русского Богатства» многие тексты повторяются, как если бы Отрепнов рассматривал варианты их окружения в сборнике), он возвращается к этим текстам и перерабатывает их (это видно и из обильной правки в тетрадях «Русского Богатства», и из вариантов «Охов-вздохов» в архивах Ясевич и Иванова-Разумника). На фронт он приезжает уже с некоторым багажом текстов разной степени готовности, публикующимся и старающимся публиковаться больше автором. В подборке для «Русского Богатства» преобладают тексты, описывающие тюремный опыт автора, крестьянский быт с цитатами и аллюзиями на творчество Некрасова и Кольцова (одно из стихотворений называется «Кому на Руси жить сытно», часто встречаются кольцовские и некрасовские размеры), которые во многом определяют специфику творчества Отрепнова-Отрепьева: злободневность газетной передовицы, публицистичность, упор на собственные свидетельства и участие в событиях.

В письмах Ясевич из села Глухой-Бережок он подробно излагает события своей жизни: они написаны в форме эпистолярного дневника и изобилуют рефлексией над фактами его биографии. Он сообщает, что «освободился из тюрьмы без одежды (это и заставило наняться в конюхи); на мизерное жалование», просит у нее денег в долг, сообщает, что после заключения поехал «в Питер, места не нашел, дня три голодал, плюнул на веселый город и ушел в деревню», сообщает о проблемах с надзором: «жить в Бережке мне стало не безопасно. Урядник пронюхивает как я веду себя, не говорю ли чего “лишнего”». Подробно описывает он свой учительский опыт от предложения обучать грамоте детей до начала работы с ними («20 ч. и одна взрослая девица»), сопровождая его размышлениями о роли учителя и о собственном образовании («Я ведь писатель (горе луковое) самоучка. Когда-то учился две зимы в сельской школе, на том и остановил-

ся — поле боронить заставили») и читательском кругозоре. В 1917 г. в письме из Екатеринослава он спрашивает Ясевич о судьбе отправленных к ней рукописей и просит их прислать: «Может быть, я переработал бы материал и напечатал». Судя по тому, что рукописи по описи из письма Глухого-Бережка были получены Пушкинским Домом в составе бумаг Ясевич, эта просьба не была выполнена, но так как из того же письма мы знаем, что это не единственный список его текстов, то не исключено, что он мог получить их для переработки из других источников. Из контекста письма понятно, что он не связывался с исследовательницей в течение долгого времени: он сообщает ей о событиях своей жизни за последние три года, работе в «Народной жизни» и «Голосе солдата» (на бланке последней газеты и написано письмо), осмысляет свой военный опыт. Подписано письмо Георгием Яковлевичем Отрепновым — он использует ту форму фамилии, с которой состоял в переписке с Ясевич в 1910 г., но уже новую форму имени.

Поэтическая антология в небольшой биографической заметке, сопровождающей публикацию стихотворений Отрепьева, предлагает следующий список его псевдонимов: помимо постоянно упоминающегося «Г. Алмазов» называются Е. Новгородцев, Е. Верещинский (инициал Е. возвращает нас к исходной форме имени автора) и Фома Пешеходов (ср.: Егор Пешеход, подпись под рассказом «Малец» в фонде Ясевич). По-видимому, в этот список стоит добавить варианты написания имени автора, которые мы находим в документах Пушкинского Дома. Это может облегчить поиск биографических документов, проливающих свет на ранний этап жизни Отрепнова, а также других творческих рукописей и, возможно, публикаций автора.

Библиографический список

1. Антология поэзии Дальнего Востока. Хабаровск: Кн. изд-во, 1967.
2. *Голдин В.* Григорий Отрепьев — он же Амурский https://proza.ru/2014/05/18/401
3. *Дворниченко Н. Е.* «Дальневосточный Демьян» // *Дворниченко Н. Е.* Вчера и сегодня забайкальской литературы: статьи, очерки, портреты. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1982.
4. *Красноштанов С.* Партизанские песни Г. Я. Отрепьева // Дальний Восток. 1968. № 1.
5. *Красноштанов С.* Происхождение песни «В воскресенье мать-старушка» и ее варианты // Литература Дальнего Востока и проблема реализма. Хабаровск: Хабаровский ГПИ, 1976.
6. *Красовская С. И.* Об одной архивной находке, или Неизвестные страницы биографии и творчества Г. Отрепьева // Лосевские чтения — 2012. Благовещенск: Благовещенский ГПИ, 2012.
7. *Трушкин В. П.* Поэзия лесов и сопок // *Трушкин В. П.* Из пламени и света... Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1976.